

Виктор БУРЯК

ОБРАЗОВАНИЕ В ИНФОРМАЦИОННОМ ОБЩЕСТВЕ

В работе трансформация системы образования рассматривается в контексте глобализации и внедрения информационных технологий. Показаны диспозиции в отношении сосуществования традиционных условий функционирования высшего образования и новейших образовательных технологий. Исследованы основные проблемы формирования интерактивной среды образования и развития дистанционного образования. Выявлены позитивные и негативные следствия интенсивного внедрения информационных технологий в систему высшего образования.

В представленной работе рассматриваются новые тенденции в сфере образования. *Актуальность* работы заключается в определении стратегического курса трансформации системы образования в условиях повсеместного внедрения информационных технологий и интенсивного расширения процесса глобализации. Основная *проблема* статьи — прояснение диспозиции в отношении сосуществования традиционных условий функционирования высшего образования и новейших образовательных технологий. *Предметом исследования* в данном случае оказывается трансформация подходов в ходе информатизации современного образования. Исследуется также формирование интерактивной среды образования, развитие дистанционного образования, базирующегося на основе высоких информационных технологий. Выделяется, кроме того, такой новый тип образовательного учреждения как «виртуальный университет». *Цель работы* заключается в выявлении позитивных и негативных следствий интенсивного внедрения информационных технологий в систему высшего образования на фоне экстенсивного процесса глобализации. Для решения ключевых задач рассматриваются такие тенденции, как: усложнение коммуникативных характеристик образовательного процесса, тотальная информатизация образования, коммерциализация сферы образовательных услуг с последующим превращением образования в рыночный «продукт», и, наконец, экономическая, политическая и образовательная глобализация как фактор, способствующий унификации высшего образования. Анализируются импликации существования образования в информационном обществе.

Коммуникативное измерение образования

Если предельно кратко схематизировать становление коммуникативного измерения «знаниево-образовательной» парадигмы европейского типа, то можно выделить четыре основных этапа, конституирующихся посредством определённой «коммуникативной революции».

Первый этап («*первая коммуникативная революция*») совпадает с появлением *устной речи* (языка), когда передача знаний возможна только путём непосредственного «здесь и сейчас» обучения.

Второй этап («*вторая коммуникативная революция*») начинается после изобретения *письменности*, позволяющей сохранять знания в знаковой форме более продолжительное время, чем это было на *первом этапе*, «тиражировать» знания (хотя и в очень ограниченном количестве), перемещать их на большие расстояния.

Третий этап («*третья коммуникативная революция*»), так называемая «Гутенбергова революция», начинается со времени создания Иоганном Гутенбергом (1400 — 1468 гг.) в середине XV века разборного шрифта и печатного станка, когда процесс тиражирования знания приобрёл массовый характер, знания стали более дешёвыми в своём производстве и широко доступными (например, к 1500 г. в Италии работало 100 печатных станков, в Испании — 30). При этом, «потребитель» знания и «производитель» знания могли никогда не выходить на личностный уровень коммуникации (в отличие от более ранних этапов).

Четвёртый этап («*четвёртая коммуникативная революция*»), так называемая «информационная революция», «цифровая революция» начинается в середине XX века со времени появления компьютерной техники (некоторые авторы пытаются называть более точные даты начала информационного этапа. Создание первой вычислительной машины ЭНИАК (в США) — 1946 год; 1965 год — наличие 50 тыс. компьютеров во всём мире; 1971 — создание первого микропроцессора; 1981 — создание первого персонального компьютера и т. д.). Экспоненциальное развитие системы Интернет во второй половине 90-х годов XX века («Интернет-революция») ещё более интенсифицировало информационный обмен и планетарное распространение знаний.

Эта революция в коммуникативной сфере не могла не затронуть систему образования. Более того, сегодня именно система образования находится на передовых рубежах углубления и расширения новых интеллектуальных технологий, без которых невозможно развитие любой сферы постиндустриального мира. От того, как быстро общеобразовательная и высшая школа адаптируются к реалиям информационного общества, зависит «место» каждой страны в ситуации жёсткой конкуренции, усугубляемой процессом экономической и политической глобализации.

Образование как стратегический ресурс «технотронной эры»

Во второй половине XX века под влиянием социальных, экономических и технологических факторов ситуация в области всей мировой системы

образования начала постепенно, но неуклонно меняться. По мнению некоторых исследователей, причина изменений кроется в фундаментальном смещении всей современной общественной системы от индустриальной эпохи в направлении к постиндустриальной, что сказывается на всех институтах общества, в том числе и на системе образования, на её концептуальных, методологических, методических и технологических уровнях. То, что сегодня обозначают модным и броским термином «кризис» вполне релевантно ситуации в образовании. Изменение приоритетов: сциентизация, прагматизм, постмодернистские веяния, технофетишизм, глобализация, массовость и многое другое создали ощущение краха тысячелетней традиции классического типа образования с его прочными связями с античной культурой и классическим типом рациональности, с духом трансцендентной сопричастности вечным, интеллектуальным ценностям средневекового университета.

Когда телевидение стало массовым явлением, то помимо чисто развлекательной и информационной функций, стали использоваться также познавательно-педагогические возможности радио и ТВ. Уже в 60–70 годы XX столетия телекоммуникационные системы сделали возможным осуществлять образование («дополнительное», «внеклассное» на первых порах) посредством радио и телевидения. Высокопрофессиональные преподаватели и учёные, иногда с мировым именем, читали интереснейшие лекции по широкому спектру дисциплин, рассказывали об уникальнейших научных открытиях. Это давало возможность учащимся из отдалённейших уголков мира знакомиться с новейшими достижениями всех областей человеческого знания «из первых уст». Одним из выдающихся достижений в этой области по праву является всемирно известная и популярная среди всех возрастных категорий научно-познавательная телевизионная программа «Discovery». В этом ряду можно также назвать замечательный телесериал «Подводная Одиссея команды Ж.-И. Кусто», знакомящая зрителей с археологией, историей, биологией, океанологией в увлекательной зрелищной форме и др. Режиссёрское мастерство позволяет создавать эффект соприсутствия в ходе открытия «тайн природы», в первом приближении знакомиться с некоторыми методами выдвижения научной гипотезы, методикам научного исследования, расширяет эрудицию зрителя, кем бы он ни был.

Однако, личностный контакт, элемент «обратной связи», присущий классическому типу образования, отсутствовал. Этот недостаток не мог быть компенсирован в рамках односторонней, чисто директивной связи, превращавшей радиолекции и образовательные телепрограммы в однонаправленный поток информации. Невозможно было проверить эффективность такого образования, скорректировать процесс обучения. Преподаватель обращался ко всем, то есть ни к кому конкретно. Тем не менее, технологическая составляющая в образовательном процессе постоянно нарастала. Инвестиции вкладывались всё интенсивней в стратегический ресурс — в систему формирования знаний. «К середине 50-х гг. развитие человеческих ресурсов превратилось в весьма престижную отрасль и к 70 м гг. возникли бихевиористские, а также более гуманистически-

когнитивные подходы к обучению. С появлением персональных компьютеров и соответствующих программ стало развиваться компьютерное образование, включающее использование видеотехники и средств массовой информации» [12, 191]. Вначале такой вид образования носил ситуативный, фрагментарный, иллюстративный характер, претендуя лишь на некоторую дополнительную к основному курсу обучения, но затем технологическая составляющая стала наращивать своё присутствие в учебных аудиториях и повсеместно теснить традиционный вид обучения. Широкомасштабное развитие сети Интернет позволило сделать процесс обучения более эффективным благодаря созданию интерактивной среды с «обратной связью» и доступом к массивам разнообразных баз данных, включая крупные научные библиотеки [6]. Уже в начале 90-х была сформирована технологическая инфраструктура интерактивной, диалоговой среды (interactive media), обеспечивающая максимальное использование произвольного доступа к разнообразным базам данных, компьютерным устройствам воспроизведения изображений и звука. Дальнейшие трансформации привели к тому, что сеть Интернет в середине 90-х годов стала полноценной диалоговой средой, в которой кроме текстовой информации можно было обмениваться графическими изображениями, звуковыми сообщениями и видео. Телеконференции и видеоконференции в последние несколько десятков лет получили широкое распространение. Это открыло путь для дистанционного образования (distance learning, online learning), осевой характеристикой которого является интерактивность образования (interaktiv learning), создания международных университетов, практикующих дистанционную форму образования и выдачу дипломов студентам, находящимся в различных странах, получающих учебные материалы и сдающих экзамены посредством сети Интернет.

Тенденция виртуализации образования продвигается в значительной степени ещё и потому, что связана с крупными поставками техники и программного обеспечения, то есть, за программой внедрения высоких технологий в образовательный процесс вполне ясно просматриваются коммерческие интересы фирм-изготовителей и фирм-поставщиков. Разумеется, редуцировать дистанционное обучение к чисто маркетинговым стратегиям было бы ошибочно, но в тоже время, не видеть здесь конкретный коммерческий интерес было бы наивно.

Несмотря на самые передовые «инновационные технологии» в обучении, остаётся неопровержимым тот факт, что личная одарённость и индивидуальная мотивация играют ключевую роль в получении и реализации знания в любом месте и в любое время. «Смысл передачи знания есть нечто большее, чем мотивация передачи, поскольку желание овладеть знанием и способности обучаемого являются решающим фактором, если не сказать более. Для культуры передачи знания, его восприятия и накопления интеллектуального капитала необходимы личностные способности, особые модели ментальности, системное мышление и некоторые другие ингредиенты» [12, 192]. К сожалению, унификация процесса образования, консьюмеризация, погоня за масштабами и массовый характер образовательных

услуг существенно затрудняет выявление индивидуальности студента и проведение соответствующей индивидуальной работы с ним. Дегерсонализация образовательного процесса не может не сказаться на качестве преподавания. Метафора — «фабрика знаний», наиболее адекватно передающая дух и практику дистанционного образования, указывает на фактор отчуждения, унификации, профанации «штучной» работы со студентом. Приоритет индивидуальной работы с учащимися рассматривался как необходимость формирования корпуса молодых талантливых учёных, в последующем — академической элиты, без которой невозможен научный и технологический инновационный прогресс. Менеджеры, работающие в системе дистанционного образования, игнорируют индивидуальный подход и технологию передачи «неявного знания». Они не учитывают эмоциональной и психологической составляющих процесса обучения, Их интересует массовость, унифицированность и «оптовый потребитель» образовательной сферы услуг.

Консьюмеризация образования в эпоху рыночной экономики

Уникальность всякой образовательной ситуации, «штучный» характер образования, присущий педагогическим и научным школам от Сократа до Ландау, подвергаются разрушению со стороны глобального рынка. Хотим мы или нет, но очевиден тот факт, что знание стало товаром, причём высокорентабельным, при соответствующих капитальных вложениях. Преподаватели и учёные ведущих университетов мира востребованы и достойно вознаграждаются за свой профессиональный труд. Возникла новая формация преподавателей университетов: учёный-исследователь, учёный-менеджер, учёный-консультант, учёный-эксперт. Такие профессионалы с достаточно узкой специализацией, которые обладают помимо классических параметров академической школы — компетентностью, энциклопедизмом, педагогическими способностями, интеллигентностью и другими важными качествами, всё в большей степени ориентированы на господствующую в мире рыночной экономики практику «спроса-предложения». Их деятельность весьма востребована в сфере безграничного рынка интеллектуальных продуктов. Они быстро и точно реагируют на конкретные проблемы, требующие немедленного разрешения в системе образовательной деятельности.

На наших глазах знание превращается в унифицируемый, широко тиражируемый, рекламируемый, информационно «отформатированный» и ходовой продукт, нуждающийся в маркетинговых стратегиях и менеджерах в большей степени, чем в академических и профессорах с их уникальными педагогическими и исследовательскими способностями. Оцифрованные массивы человеческих знаний, хранящиеся в электронных библиотеках, разумеется, не могут сравниться с индивидуальной памятью любого гениального учёного. Кроме того, быстрота поиска и обработки любого вида информации несравнима с традиционной работой в классической библиотеке с её системой поиска по предметно-алфавитному каталогу, состоящему из бумажных карточек, с её иногда многочасовой системой запроса

литературы и обеспечения её доставки читателю (тем более, что часы работы библиотеки ограничены, есть выходные дни, есть другие читатели, а книга одна и т. д.). Добавим сюда ещё интерактивность, возможность обсуждения и консультирования в онлайн-режиме (или посредством *e-mail*) с коллегами или экспертами независимо от страны проживания. Если же к этому добавить ещё мультимедийный характер информации, хранящейся на лазерных дисках и в Сети: звук, графику, цвет, трёхмерность, видеоряд, то станет очевидным, что классической системе образования необходимо сделать трудный выбор. Придётся либо потесниться перед информационно-технологическими и обслуживающими их методолого-педагогическими новшествами и занять крайне консервативную позицию, грозящую маргинализацией и архаизацией, что неизбежно повлечёт за собой вначале «политическую смерть», прекращение финансирования и в последствии «институциональную смерть», либо попытаться перехватить инициативу и подчинить себе бурно прогрессирующую технологию. Не «ждать и догонять», а опережать — такую стратегию предлагает К. Колин. Поскольку, «главный источник кризиса — в неадекватности содержания образования, масштабов и уровня развития образовательных систем постиндустриальному направлению цивилизационного развития», то «на вызовы XXI века должна ответить прежде всего система образования, существенно преобразованная, исходя из новой образовательной парадигмы, адекватной изменившимся условиям существования человечества, реалиям научно-технического и социального развития» [10, 16–17].

По ту сторону «пределов роста»: образование как глобальный тренд

В конце 60-х годов прошлого века после начала «компьютерной революции» ситуация в области образования существенно стала изменяться. Информатизация общества в США, начавшись в военной сфере, продолжала расширяться, охватывая университеты, колледжи, средние школы. Компьютеры заполнили научно-исследовательские лаборатории, затем офисы, а потом стали неотъемлемой частью классной комнаты. Были приняты и быстро реализованы государственные программы компьютеризации системы образования на всех уровнях, что позволило Соединённым Штатам уже в 80-х гг. стать лидером «информационной революции», сохраняя за собой ведущую роль в мировой экономике и научных исследованиях в обозримом будущем. Образование, профессиональное обучение, и в особенности высшее образование, по мнению Линды Лоу, «играют решающую роль в повышении конкурентоспособности национальной экономики, представляя собой единственный и наиболее эффективный рычаг для подъёма экономики» [12, 191].

Государственная программа информатизации образования на всех уровнях обучения в Соединённых Штатах была с самого начала обеспечена мощной финансовой поддержкой не только государства, но также многих бизнес-структур, увидевшими прямой экономический эффект от внедрения информационных технологий в производство товаров и услуг. На рын-

ке труда промышленно развитых стран физический труд стал катастрофически падать в цене, интеллектуальный труд стал доминирующим и высокооплачиваемым в обществах постиндустриального мира.

В развитых странах с конца 50-х гг. XX века промышленность в целом и в частности обрабатывающая промышленность постепенно стали утрачивать своё доминирующее место в экономической стратегии. «Физический труд уступает место умственному. Рутинные рабочие функции сменяются творческими. Не «салариат» (наёмные работники), а «когнитариат» — учёные, инженеры, специалисты, достаточно независимые благодаря своему интеллектуальному уровню, — становятся лидерами общества и творцами перманентных технологических новаций [14, 11]. Об этом красноречиво говорят многочисленные социологические исследования. Статистические данные также подтверждают данную тенденцию. «Статистика свидетельствует, что с 1968 по 1977 гг. реальные доходы лиц с незаконченным средним образованием и выпускников колледжей росли в США одинаковыми темпами (на 20 % и 21 % соответственно). Но уже за период 1978–1987 гг. доход работников со средним образованием упал на 4 %, а выпускников колледжей — повысился на 48 %. С 1987 г. ... бакалавры увеличили свои доходы на 30 %, а доктора наук — почти вдвое» [8, 85].

Лидирующее положение в постиндустриальном обществе теперь обеспечивается, кроме всего прочего, качеством образования, перспективным видением локальных и глобальных проблем, исследовательским чутьём и методологическим инструментарием, предполагает «человеческую неординарность, подобно тому, как это делается в университетской среде для формирования научно-исследовательской среды» [12, 191]. Образовательные стратегии передовых государств, всё больше учитывают и используют технологические новации, сеть телекоммуникаций, информационную среду обитания, и дистанционные формы обучения играют здесь далеко не последнюю роль.

Сегодня речь не идёт о том, принимать или не принимать информатизацию образования как широкомасштабный проект. Нужно обсуждать, каким образом максимально реализовать имеющиеся технические средства, и какую методологию избрать для эффективного соединения традиционной системы знания-образования и высоких информационных технологий. Для Украины одной из наиболее важных задач сегодня является быстрая и эффективная модернизация образовательной системы ввиду ускорения европейской интеграции в области высшего образования [7; 9]. Помимо экономических задач для этого нужно ещё решать социальные и административные проблемы, накопившиеся за предшествующие годы и десятилетия. В глобализирующемся мире глобализируется также система обучения. Уже миллионы обучающихся во всём мире втянуты в дистанционную систему образования, а с ускорением глобализации количество обучающихся в мультимедийном пространстве значительно вырастет. Основателями глобального образовательного тренда по праву считаются британский «Открытый университет» (*OU, Open University*) и испанский «Национальный университет дистанционного образования» (*UNED, Universidad*

Nasional a Distancia). В настоящее время существуют мощнейшие мультинациональные университеты такого типа. Одним из наиболее известных и влиятельных виртуальных университетов на сегодняшний день является так называемый «Проект Фантом» — образовательно-информационный консорциум, состоящий из библиотеки Британского музея, библиотеки Кембриджского университета, Лондонской школы экономики, шести канадских высших заведений (Университет Святого Лаврентия, Открытый университет Британской Колумбии, университеты Атабаска, Ройял-Рудс, Брендон, Манитоба) и группы крупных университетов США.

Знание стало товаром, причём высокодоходным и широко востребованным во всём мире. Однако массификация и в особенности коммерциализация образования не так уж безобидны для классического института образования. Образование в качестве очередного глобального коммерческого тренда угрожает самим институциональным основам и его содержанию. Об этом с беспокойством говорит Филип Альтбах, директор Центра международного высшего образования при Бостонском колледже (*The Boston College Center for International Higher Education*): «Всё чаще высшее образование рассматривается в качестве товара, который можно продать и купить точно также как и любой другой. В наши дни коммерциализация этой сферы выходит на уровень мирового рынка. Так, Всемирная торговая организация (WTO) уже рассматривает вопросы включения высшего образования в сферу своих интересов, в результате чего импорт и экспорт образовательных услуг может стать предметом сложных процедур этой организации и юридического нормирования её решениями...» [1, 39]. Как хорошо известно, Всемирная торговая организация сегодня является наряду с Мировым банком и Международным валютным фондом одним из главных, «глобальных игроков», акторов (*actor* — *англ.*, *деятель*) процесса глобализации. Задача этих организаций заключается в том, чтобы создать единые коммерческие и юридические «правила игры» во всём мире, не взирая на конкретные культурно-исторические условия, степень готовности, «менталитет» конкретных граждан конкретных государств, преподавателей и студентов, образовательные системы и традиции.

Разумеется, при унифицированной транснациональной системе образования выиграют более «продвинутые» и финансово обеспеченные учебные заведения, которые навяжут свои требования и свой стиль в образовании. «Если подобное произойдёт, высшее образование во всех своих проявлениях станет объектом правил свободной торговли точно также как бананы или воздушные лайнеры» [1, 40]. Регулирование вопросов, связанных с развитием образования, конечно же, нуждается в международном статусе их обсуждения и принятия соответствующих решений. Но, с другой стороны, необходимо чётко разграничить сферу компетенции национальной системы образования и международных организаций, работающих в сфере образования. Если же за дело возьмётся WTO, то ни о каких компромиссах или консенсусе не будет идти речь. В этом случае предмет интереса станет выполнение или невыполнение юридических предписаний и соответствующих санкций за их невыполнение.

Результаты глобализации образования легко предсказуемы. «Вытеснят ли состоятельные, сориентированные на прибыль транснациональные корпорации другие учреждения высшего образования? Наконец, выживет ли профессура, сохранив свои академические свободы? Ясно одно: если университеты попадут в сферу юрисдикции WTO, автономия будет скомпрометирована, а продвинутое образование и исследовательская работа окажутся подчинёнными международным соглашениям и бюрократическим предписаниям... Как только в развивающихся странах университеты окажутся подчинёнными международному академическому рынку, регулируемому WTO, их «задавят» зарубежные учебные заведения и программы, сориентированные на прибыль, а не на оказание содействия национальному развитию» [2, 41]. Благодаря непродуманным шагам в деле реформирования образования, переведения его в дистанционный формат неизбежно будет нарастать процесс образовательно-педагогической инфляции и в последующем — планетарное понижение уровня образования в особенности в высших учебных заведениях. Основатель одного из канадских электронных университетов Майкл Гаффни утверждает, что в его вузе будет достигнуто принципиально новое соотношение между количеством преподавателей и количеством студентов. Вместо классической пропорции один профессор — 30–40 студентов, в режиме on-line один профессор сможет обучать 3–4 тысячи студентов» [11, 111]. В 2000 году в Канадских университетах обучалось 900 тыс. студентов, для их обучения по одному виртуальному курсу будет необходимо лишь 225 профессоров. Сегодня на 14 млн американских студентов приходится 900 тысяч преподавателей (15,5 студента на одного преподавателя). В случае победы «дистанционного лобби» и в Америке, и во всём мире будут проведены массовые увольнения тех, кто не успел «на отходящий поезд» он-лайнового обучения. Глобализация образования, в особенности специального и высшего, может нести в себе серьёзную угрозу, как в области информационной безопасности, так и в сфере национальной безопасности.

Возникли и постоянно усложняются так называемые «виртуальные ландшафты», формированием которых занимаются очень активно масс-медийные группы [5]. Информатизация и глобализация предъявляют системе классического образования требования, которые она не может не выполнить, если хочет вписаться в информационный глобальный ландшафт постиндустриальной эпохи. Альтернативы могут возникнуть только *после* принятия корпорацией педагогов базовых экономических и технологических предписаний, диктуемых «духом времени» (*Zeitgeist*). Это отнюдь не значит, что образование должно капитулировать перед рынком и техникой, но, освоив правила цифровой глобальной игры, адаптировавшись к ситуации постсовременности, оно должно попытаться «взять игру на себя», став полноправным глобальным игроком в информационном поле знания.

Социально-экономическое неравенство, а, следовательно, и «цифровой разрыв» между развитыми и развивающимися странами постоянно растёт, что влечёт за собой разрыв и в области образования, будучи причиной ещё большего отставания в научно-исследовательской и технологической деятельности. На этот момент обращает внимание Линда Лоу в своей

работе, претендующей на своего рода «образовательный манифест» — «Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия» [12], где она анализирует ситуацию в области специального образования, сложившуюся на рубеже тысячелетий. Профессор факультета бизнеса и управления Национального университета Сингапура Л. Лоу констатирует факт наличия драматической ситуации с непредсказуемыми последствиями: «Сохраняется также значительный разрыв в экономическом росте, развитии, образовании и уровне овладения новыми технологиями между различными странами, что ставит перед развивающимися странами множество проблем, связанных с преодолением отставания» [12, 192]. Ни инвестиции, ни благотворительные фонды не помогут тем странам, которые не изменят порядок своих экономических, технологических и образовательных приоритетов, продолжая делать ставку на сырьевые отрасли, традиционную обрабатывающую промышленность, химическую промышленность, тяжёлое машиностроение. Мировой опыт развития науки и техники последних десятилетий показывает, что новые технологии для своего развития непременно нуждаются в наукоёмких производствах (которые в свою очередь финансируются высоким уровнем образования). Высокотехнологичные проекты не всегда рентабельны в краткосрочной перспективе. Однако дают долгосрочный стратегический выигрш во времени и в качестве. Это касается не только производства товаров, но и производства самого знания, наиболее перспективного товара в информационном обществе [3, 79].

Угроза, идущая из постиндустриального мира, от «глобальных акторов», весьма высока. «Дисциплинарная матрица», сконструированная для всех видов и форм деятельности подконтрольных «глобальным игрокам», беспелециозна. «Подчинение вузов жёстким рыночным предписаниям WTO приведёт к тому, что один из наиболее ценных институтов любого общества будет уничтожен», — считает Ф. Альтбах [2, 42]. Образование сегодня как никогда является важнейшим фактором обеспечения социально-экономического, технологического и культурного развития. В чьи руки попадёт стратегия его развития — неизвестно, как развернётся его конфигурация и чем наполнено будет его содержание — непонятно. Ясно лишь одно: контроль над знанием и образованием обеспечит контроль над мировым сообществом в глобализирующемся мире.

Стратегическим ресурсом постиндустриальной эпохи являются знание и образование, о чём три десятка лет тому назад говорил Д. Белл и Э. Тоффлер, что подтверждают события последнего десятилетия. Тезис, выдвинутый более трёх столетий тому назад Френсисом Бэконом: «знание — сила» (*scientia est potentia*), сегодня подтверждён и усилен носителями «калифорнийской идеологии», «мальчиками из Силиконовой долины» (*Silicon Boys*) во главе с Уильямом Гейтсом. Знание — это сила, власть и деньги, что подтверждается положением дел в самой могущественной стране мира, Соединённых Штатах Америки. Как утверждает В. Л. Иноземцев, «в последние годы интеллектуальная элита стремительно становится новым доминирующим классом постиндустриального общества». Не удивительно,

что именно интеллектуалы составляют подавляющую часть самых богатых американцев. «Лишь каждый пятнадцатый из тех, кто составляет 1 % наиболее богатых американцев, получает доход в качестве прибыли на вложенный капитал, тогда как более половины представителей данной группы работают на административных постах в крупных компаниях, почти треть представлена практикующими врачами и юристами, а остальная треть состоит из людей творческих профессий, включая профессоров и преподавателей» [8, 85–86]. Учитывая то, что 1 % американцев обладают 80 % богатства Соединённых Штатов, вышеприведённые цифры однозначно показывают, что власть в США (а, следовательно, и во всём мире) принадлежит тем, кто развивает и целерационально использует свой интеллект, индивидуальный, но в то же время являющийся продуктом системы образования.

Странам с переходной экономикой, к каковым относится Украина, уже сегодня необходимо вкладывать громадную часть инвестиций не в сырьевые отрасли и обрабатывающую промышленность (экономический эффект от которых сегодня ещё есть, а завтра снизиться до минимума), а в сферу высокоинтеллектуальную, в образовательную систему и высшее образование в частности. Сегодня уже многие учёные Украины глубоко анализируют непростую ситуацию, сложившуюся в ходе развития отечественной системы образования [4; 13]. Согласимся с Л. Лоу, которая утверждает, что «...недостаточное финансирование образования и обучения молодёжи в долгосрочной перспективе чревато опасностью отставания в экономическом развитии» [12, 193]. При этом долгосрочная программа образования должна быть основана на принципах непрерывности, постоянной корректировки, соответственно изменениям в мировой социально-экономической, технологической сферах и развиваться с точки зрения перспективы и прогнозирования. Необходима разработка, принятие и реализация концепции непрерывного образования для того, чтобы общество смогло развиваться без спадов, кризисов и резких скачков, присущих глобализирующемуся миру.

Таким образом, существование системы образования в информационном обществе в эпоху глобализации ставит перед институтом образования задачу сохранения позитивных, традиционных компонентов образовательного процесса. Наряду с этим необходимо выработать адекватные средства для адаптации классических форм образования к новым информационным технологиям, коммерциализации образования и его унификации.

Литература:

1. *Альтбах Ф. Г.* Возвышение псевдоуниверситетов // *Alma Mater. Вестник высшей школы.* — 2001. — № 12. — С. 39–41.
2. *Альтбах Ф. Г.* Высшее образование и WTO: безумие глобализации // *Alma Mater. Вестник высшей школы.* — 2001. — № 6. — С. 39–42.
3. *Бабак В., Лузік Е.* Фундаментальна підготовка в сучасному університеті: традиції та перспективи // *Вища освіта України.* — 2003. — № 1. — С. 78–83.
4. *Бех В.* Філософський аналіз походження соціальних проблем вищої школи // *Вища освіта України.* — 2005. — № 3. — С. 13–20.

5. *Буряк В. В.* Виртуальные ландшафты в масс-медиа // Электронные ландшафты гуманитарного образования. Материалы республиканской конференции. ТНУ им. В. И. Вернадского, 1 февраля 2005. Симферополь. — 2005. — С. 12–13.
6. *Буряк В. В.* Интернет как инструмент глобализации // Учёные записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Т. 15 [54]. № 2. Философия. Социология. Симферополь. — 2002. — С. 85–91.
7. *Згуровський М.* Основні завдання вищої освіти України щодо реалізації принципів Болонського процесу та забезпечення вимог сфери праці // Вища школа. — 2004. — № 5–6. — С. 54–61.
8. *Иноземцев В. Л.* Неизбежность постиндустриального мира. К вопросу о полярности современного мироустройства // Постиндустриальный мир и Россия. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 84–104.
9. *Ковальчук В. Ю.* Модернізація педагогічної освіти: методологічні та соціальні аспекти проблеми. // Наука і освіта. — 2004. — № 4–5. — С. 54–61.
10. *Колін К.* Информатизация образования: новые приоритеты // Alma Mater. Вестник высшей школы. — 2002. — № 2. — С. 16–23.
11. *Кубышкин А. И.* Канадский университет в структуре современного демократического общества // «США. Канада». — 2003. — № 1. — С. 100–113.
12. *Лоу Л.* Образование и развитие человеческих ресурсов: движущая сила следующего столетия // Постиндустриальный мир и Россия. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 179–196.
13. *Мазоха Д.* Феномен європейської інтеграції педагогічної освіти // Вища освіта України. — 2005. — № 2. — С. 82–87.
14. *Хорос В. Г.* Постиндустриальный мир — ожидания и реальности // Постиндустриальный мир и Россия. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — С. 10–24.

Віктор Буряк. Освіта в інформаційному суспільстві

У роботі трансформація системи освіти розглядається в контексті глобалізації і впровадження інформаційних технологій. Виокремлено основні етапи трансформації комунікативних вимірювань, що впливають на формування системи освіти та її динаміки. Розкрито диспозиції щодо співіснування традиційних умов функціонування вищої освіти і новітніх освітніх технологій. Досліджено основні проблеми формування інтерактивного середовища освіти і розвитку дистанційної освіти. Розглянуто позитивні та негативні наслідки інтенсивного впровадження інформаційних технологій в систему вищої освіти.

Viktor Buryak. Education in the Information Society

The transformation of educational system is considered in the context of globalization and introduction of the information technologies. Different positions on coexistence of traditional conditions of higher education and the newest educational technologies are presented in the article. The main problems of formation of the interactive educational surrounding and development of distance learning are examined. The positive and negative consequence of intensive introduction of the information technologies into the system of higher education are shown in the paper.